

МИР УХОДЯЩИЙ: НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ РОССИИ

УДК 780.8, 784.4 11+ 398.9
ББК 85.31194

Трудовые обычаи и фольклор костромских шерстобитов

Ирина Степановна Попова

(Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова: Российская Федерация, 190068,
г. Санкт-Петербург, Театральная пл., д. 3, литера «А»)

Аннотация. Статья посвящена изучению традиционной культуры шерстобитов Макарьевского района Костромской области, которые в местной традиции именуются жгонами. В работе впервые исследуется история и принципы организации отхожего местного промысла по производству изделий из валеной шерсти, описываются трудовые и обрядовые практики мастеров-отходников как представителей замкнутой социальной группы. В статье раскрыта особая роль социального диалекта местных шерстобитов — так называемого жгонского языка. Кратко представлен обзор словарей и исследований о корпоративном арго и дана общая характеристика условного языка макарьевских мастеровых. На основе новых источников обозначены ранее неизученные контексты употребления жгонского языка на различных этапах переработки шерсти. На примере частушек по-жгонски выявлены способы включения арготической лексики в фольклорные тексты и обозначены ситуации их актуализации в производственном процессе. Основную источниковую базу исследования составляют экспедиционные материалы Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова в Макарьевский район Костромской области (2009) из Архива Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории (коллекция № 253) и личные записи автора, впервые вводимые в научный оборот. В качестве дополнительных источников привлекаются данные по истории отходничества и шерстобитного промысла в России по публикациям 1920–1930-х гг. Результаты проведенного исследования представляют интерес для фольклористов, этнографов, антропологов и лингвистов.

Ключевые слова: шерстобит, отхожий промысел, социальный диалект, фольклор, частушки.

Дата поступления статьи: 22 января 2023 г.

Дата публикации: 25 июня 2023 г.

Для цитирования: Попова И. С. Трудовые обычаи и фольклор костромских шерстобитов // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 2. С. 94–105.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.2.008>

Изготовление различных видов обуви и одежды из валеной шерсти было распространено во многих регионах России. До отмены крепостного права производственный процесс имел кустарный характер, позднее реализовывался в форме отхожего промысла (сезонной рабо-

ты крестьян, уходивших из родных сел и деревень на заработки) и фабричного производства. Промысел имел различные наименования: шерстобитный или валяльный (по ключевым технологическим операциям — битье, или разрыхление, шерсти и валяние войлока соответствен-

но), *шаповальный* (создание головных уборов или иных изделий из валеной шерсти), у русского населения Урала, Сибири, Башкирии получил название *пимокатного* (от диалектного слова «пимокат» — изготовитель пимов, валенок). В литературе шерстобитный и валяльный промыслы иногда рассматриваются как самостоятельные, тогда как в рамках традиционных институтов мастера обычно реализовывали полный производственный цикл — от первичной обработки шерсти до крашения готового изделия.

Приведем необходимые данные по истории отходничества и непосредственно шерстобитного промысла в Советской России. Заметим, что в 1920–1930-е гг. отношение государства к мастерам-отходникам было весьма нестабильным. Во времена нэпа они работали в режиме благоприятствования со стороны властей, позже их стали облагать сельхозналогом, а в годы коллективизации уход крестьян на временную работу за пределы деревни воспринимался государством «как форма сопротивления “кулачества” колхозному строительству» [Ковалев, Федоров 2005–2019]. Ситуацию несколько изменила политика индустриализации, приведшая к мощному оттоку рабочей силы из сельской местности. По постановлению СНК СССР от 16 марта 1930 г. органы власти и руководители колхозных организаций могли быть привлечены к уголовной ответственности, если препятствуют «отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы», а постановления ЦИК и СНК от 30 июня 1931 г. и от 17 марта 1933 г. «...предусматривали льготы по сельхозналогу, по страхованию и поставкам для отходников-единоличников и колхозников, временно покидавших деревню» (цит. по: [Там же]).

Как показала работа с материалами по истории шерстобитного промысла, в первые годы советской власти в нем преобладал ручной труд, был задействован значительный контингент мужского населения и весьма обширная территория нечерноземной полосы. Последнее объяснялось «избытком труда в этих районах, наличием Волжско-Камской водной системы, обеспечивающей дешевый

и удобный подвоз сырья (шерсти) и вывоз готовых изделий, значительным развитием на с<евере> и с<еверо>-в<остоке> кожевенной и овчинно-скорняжной промышленности <...> и, наконец, суровым климатом, вызывающим потребность в валяной обуви» [Шлифштейн 1927, 713]. В стране создавались производственные артели и фабрики, хотя по-прежнему актуальным оставался труд кустарей. Как отмечено в публикациях, в 1920–1930-е гг. «...местами возобновился отхожий валяльный промысел, имевший <...> огромное значение почти во всех районах» [Там же], мастера работали «преимущественно на давальческой шерсти», переходя «со своей шерстобитней с места на место, обслуживая ряд сел и районов» [Шерстобитное производство 1933, 306]. В Технической энциклопедии приведены сведения о том, что солидный объем производства различных видов войлока ручным способом охватывал территорию Костромской губернии (по статистическим данным за 1921 г. — 505 000 кг) [Войлочное производство 1928, 260].

На территориях, относящихся в прошлом к Макарьевскому, Кологривскому, частично Галичскому, Варнавинскому и Ветлужскому уездам бывшей Костромской губернии, промысел получил оригинальное обозначение *жгонский*, производное от слова *жгон* ‘шерстобит’, заимствованного из арготического словаря местных мастеровых. «Пойдём “на жгонку” — значит “на заработки”. Другие считали как “шестопёр” — шерсть работал, пёр (воровал. — И. П.), третьи считали — “валящик”, валенки валяли. Ну, а мы это слово “жгонское” <использовали>» (Зап. от Александра Ивановича Сафронова¹, 1929 г.р., д. Якимово, Усть-Нейское с/п, Макарьевский р-н, Костромская обл. Соб. Е. В. Самойлова (рук.), М. А. Полеухина, И. А. Мехнецов. 13.08.2009) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-A014-028].

Интерес к субкультуре костромских шерстобитов проявили прежде всего лингвисты (см. об этом ниже), тогда как собственно традиционная культура и фольклор данной социальной группы ранее не становились предметом специального научного интереса.

¹ Полные данные о собеседниках, месте и времени интервью даны при первом упоминании, а затем приводятся в сокращенной форме.

Настоящее исследование основано на экспедиционных материалах Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова из Макарьевского района Костромской области [ФЭЦ СПбГК. Колл. № 253. 06.08–26.08.2009] и записях из личного архива автора статьи, осуществленных от Веры Николаевны Переломовой, 1964 г.р., работника Ёлкинского СДК из п. Коммунар Нейского района Костромской области, во время Международного фольклорного фестиваля «Наследники традиций», Санкт-Петербург, 2009) [ЛАА]. Источники исследования представлены воспоминаниями шерстобитов и членов их семей, рассказами жителей района о быте, культуре, языке и фольклорных традициях членов данного социального сообщества во второй половине XX в.

По полевым данным Санкт-Петербургской консерватории на территории Макарьевского района Костромской области бытовало несколько видов отхожих промыслов. Местные мастера-вые подрабатывали изготовлением на заказ не только валяной, но и плетеной обуви (Зап. от Лидии Александровны Агаповой, 1926 г.р., и Ивана Филипповича Агапова, 1926 г.р., д. Кондратово, Усть-Нейское с/п, Макарьевский р-н, Костромская обл. 13.08.2009) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-A014–019]. В северной части района (бывш. Верхне-Нейская волость Макарьевского уезда) наряду с шерстобитами работали скорняки (Зап. от В. Н. Переломовой) [ЛАА]. Эти два промысла часто существовали параллельно, поскольку отходы скорняжного производства, «дающего в качестве отброса снимаемую с кож и овчин т.н. “кислую” шерсть» [Шлифштейн 1927, 713], широко применялись шерстобитами. «Там вообще в Галиче (город в Костромской обл. — И. П.) не было кáталей. <...> Видишь, онé как делились. Наш Макарьевский район — кáтали, а Галичевской — это пúтерщики. <...> Это мастера — там маляры, каменщики — ходили все по городам. Поэтому их и называли пúтерщики» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 263-A014–030].

Сведения «об отходе» костромских ремесленников на территории соседних регионов находим в этнографическом очерке «Техника валяльного промысла в Шуйской волости Вологодского уезда»

[Бубнов 1928]. В публикации обозначено существенное влияние костромичей на становление местной производственной традиции. «По сообщениям старожилов, валяльный и тесно связанный с ним шерстобитный промыслы в Шуйской волости появились лет 65 или 70 тому назад, занесенные сюда прихожими мастерами из Костромской губернии» [Там же, 6]. Автор убедительно показывает, что «слабое развитие здесь (в Шуйской волости. — И. П.) валяльного промысла легко объяснить конкуренцией <...> со стороны валяльной фабрики бр. Комаровых, наводнявшей дешевой обувью волость, а теперь с прихожими мастерами из Березовской волости, Солигаличского уезда, Костромской губернии, которые, работая быстрее, берут дешевле за работу против местных» [Там же, 7].

На протяжении XX в. костромские мастеровые регулярно работали «в отходе». В. Н. Переломова сообщила, что ее прадед ходил «на жгонку» даже в годы Великой Отечественной войны, поскольку не подлежал мобилизации из-за увечья [ЛАА]. В послевоенный период, когда экономика страны была почти полностью разрушена, работа на отхожем промысле стала для многих местных жителей единственным средством заработка. В активной фазе промысел существовал примерно до 1980-х гг., но даже в 2009 г. жительница макарьевской деревни на вопрос собирателя о том, остались ли в деревне люди, кто раньше делал валенки, ответила: «Да как? И сейчас жгонят, есть» (Зап. от Людмилы Михайловны Фарфоровой, 1936 г.р., д. Якимово, Усть-Нейское с/п, Макарьевский р-н, Костромская обл. 12.08.2009) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-A013–001].

Носители традиции предельно ясно высказывались о главных факторах сохранения отходничества. «Семья была большая у нас, работали за трудовни. Вот, значит, и пришел один тут мужичина с войны (Великой Отечественной. — И. П.), пошел на работу (валенки катать. — И. П.) — значит, зарабатывать. Отхожий промысел считался. <...> Он меня взял. Хоть я зиму буду там питаться, не дома. Вот это считалось как “с хлеба долой!” <Соб.: А сколько вам лет было?> Пятнадцать, шестнадцатый годик» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-A014–028]; «<Соб.: Много людей уходили на

заработки?» У ково нужда, родная. Нужды <у кого> не было, тот не ходил. А у кого нужда была — детки были малы, и работать негде. <...> И брали отпуск, и ходили на месяц, на два» (Зап. от Л. А. и И. Ф. Агаповых) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-019].

Судя по материалам консерваторских экспедиций, костромские шерстобиты уезжали катать валенки в другие районы Костромской области и на Русский Север, на Урал и в Сибирь, на Дальний Восток и даже в Крым. У многих из них были годами наработанные маршруты и места дислокации. «Вот у нас папа уезжал на работу в Свердловскую область, а последнее время <...> — в Нижний Тагил» (Зап. от Марии Яковлевны Круплёвой, 1933 г.р., д. Ильинское, Княжевское с/п, Макарьевский р-н, Костромская обл. 11.08.2009) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А012-002]; «Ездили и в Челябинскую, и в Омскую <области>» (Зап. от Елены Александровны Сафроновой, 1931 г.р., д. Якимово, Усть-Нейское с/п, Макарьевский р-н, Костромская обл. 13.08.2009) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 263-А014-029]; «Ходил я и в Татарию, ходил и в Башикирию, ходил и в Сибирь, ходил и в Челябинскую область, ходил и в Кустанайскую область, ходил и по своей области. По своей области был в Парфентьеве, в Галиче, в Шарье, в Кологриве. Везде ходил» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-030]. По словам В. Н. Переломовой, макарьевские шерстобиты уходили работать и на Русский Север — в Вологодскую и Архангельскую области [ЛАА].

Отправляясь на промысел, мастера прежде всего руководствовались желанием заработать. «Мы ведь безденежные жили. Вот я работала до 1960 года — ни копейки не получивала. Троих ребят родила. И ни гроша не зарабатывала. <...> Он (муж. — И. П.) сходит на жгонку-то — и вот жили так вот на эти деньги. <...> Искали всё, где лучшие, где дороже. <...> Да притом, где потяжелые валенок. Если придешь в Башикирию, там дешевая работа. Мелочь всё. Валенки взял побольше, значит, и доход побольше. В Сибири вон тяжелый валенок, в Челябинске тоже тяжелый. <Соб.: Что значит тяжелый валенок?> Ну вот, допустим, пять фунтов на валенок на мужчину, или семь. В Сибири дак семь заказывают. Приносят

мне там шесть-семь фунтов <шерсти>. А в других местах — четыре. Уже совсем не то дело. <...> <Соб.: А почему тогда не все время в Сибирь ходили?> Ну, дак эт кто ж знает? Сибирь далеко» (Зап. от Е. А. и А. И. Сафроновых) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-029; 253-А014-030].

По имеющимся данным в изучаемой традиции уходили на заработки не ранее ноября и обычно не более чем на месяц, во время отпуска, который в колхозах давали только после завершения всех полевых работ. «<Уходили> — кто на месяц, кто на два, на сколь отпустят» (Зап. от И. Ф. Агапова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-019]; «Но они ходили только в отпуска. Не давали <больше>» (Зап. от Л. М. Фарфоровой) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А013-001]. Шерстобиты обозначали и еще более краткий временной период: «Вот в декабре. <...> <В колхозе> на лошади работал сначала, потом на тракторе. Пахал и сеял, и всё делал. И зиму, и лето. И дают отпуск месяц. <...> Месяц-от не дадут. 24 дня — самое большое давали» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-029; 253-А014-030].

Реже вспоминали период 2–3 месяца, обозначали «привязку» дат ухода и возвращения отходников к значимым календарным датам, в том числе к церковным праздникам: «Едут на три месяца. <...> Уезжают, как вот всё пройдёт, в ноябре. Казанская (4 ноября по н. ст. — И. П.) пройдет, и в ноябре вот уходят. Когда всё приберут уж дома, да и жгонить пойдут» (Зап. от Екатерины Сергеевны Костельной, 1933 г.р., д. Ильинское, Княжевское с/п, Макарьевский р-н, Костромская обл. 11.08.2009) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ 253-А012-002]. Возвращались домой «кто на Новый год <...>, кто и <позже>. Они каждый по-разному. Как кончится работа, у каво какая работа <...>. Или какие-то экстренные дела дома. Сообщат им. По письму, конечно. <...> Может, и так старались — чтобы к какому празднику подъехать» (Зап. от М. Я. Круплёвой и Е. С. Костельной) [Там же]. Рассказывали, что к Рождеству шерстобиты старались вернуться домой, чтобы Святки провести с родными и близкими. «Там уже бабы знали, что мужики к Рождеству должны прийти. На Рождество варили пиво, и уже устраивали праздник» (Зап. от В. Н. Переломовой) [ЛАА].

В основном шерстобиты работали в сельской местности — приезжали и останавливались на постой у одних и тех же хозяев на весь срок или на пару недель, затем перебирались на новое место. «Не контора. Там они вот также в обычных домах <жили>. Снимали дом обычный. И в этом доме они катали валенки» (Зап. от М. Я. Круплёвой и Е. С. Костельной) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А012-002]; «кто заказывает катать, у того и жили. <...> как пастух, “по чередам”» (Зап. от Л. А. и И. Ф. Агаповых) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-020].

Аналогии с традиционными институтами (пастушеством) не случайны, поскольку оплата труда шерстобитов в ряде случаев допускала натуральный обмен. С мастерами расплачивались не только деньгами, но и сырём, в основном шерстью. «Шерсти <привозили>. Дома скатать нады-то. Скатают да продадут. Чево? Денег-то не давали, <когда> работали <в колхозе>, никаких» (Зап. от Л. М. Фарфоровой) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А013-001]; «кто как <расплачивался>. Если нужно когда, дак и шерстью расплатятся. Дома эта шерсть пригодится. Дома скатаешь или на базар скатаешь <валенки>» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-030].

С заработков могли привозить и различные товары. «В основном они деньги приносили. А дальше, может быть, они приносили из вещей что-то. Покупали там, что можно — или дороже здесь, или не купить здесь, или не было. И они там покупали, привозили оттуда. Валенки тоже привозили оттуда на всю семью. <...> У нас вот ездили — у нас только денег привозили. И лошадь вот у меня отец там купил. Купил на эти деньги, <что> заработал. И на ёй ехал. Думал, дрова возить да сено. Рас семья-то десять чоловёк, кроме ихх (родственников. — И. П.) была! <...> И он только не доехал полтора километра, и она подохла, лошадь. В кустах, тута вот на дороге и подохла. <...> И жгонка вся пропала! Что роботал, что нет. “Мать, — заревел, заплакал, — вот так, все деньги у меня <пропали>, и лошадь в кустах”. <...> Он думал, для семьи-то (лошадь нужна. — И. П.) — вот привезти сено да дрова» (Зап. от М. Я. Круплёвой и Е. С. Костельной) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А012-002].

Самые продвинутые мастера работали в городах, в районных центрах. Это приносило больший доход, но и расходы были солиднее, поскольку в этих случаях деятельность валяльщиков требовала легализации. «Жгонка что? Это рвались только. А на жгонке можно так пролететь, вообще не заработать. Налоги были большие. Не пойдешь в райфинотдел — значит, не дадут работать. А пойдешь... На кого нападешь там? Значит, поставят (норму. — И. П.) — сколько я могу переработать. Кто сколько поставят. Хороший такой, душевный начальник, дак поменьше поставит, налог-от небольшой будет. <...> Патент брали. А то дак такой патент наложат, дак не будешь работать» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-030].

Приходя в крупные населенные пункты, шерстобиты арендовали помещение под мастерскую — иногда там и жили. Если место было «нахоженное», то объемный производственный инвентарь оставляли там до следующей осени. Некоторые инструменты забирали с собой, но могли сделать их и непосредственно «в отходе». «Раньше (шерсть. — И. П.) на струне били, да. <Соб.: Струну с собой носили?> С собой. Ну, были некоторые, сами делали. Там можно сделать из кишки бараньей. Ее выбируют, чистят, скручивают, сушат, но это всё долго» (Зап. от А. И. Сафронова) [Там же].

По возвращении с промысла в родной деревне устраивали праздник с небольшим застольем. «Да вот, придут к нам. Друг евонный с женой придет, и выпьем, и всё. Или мы туда <идем>. А чево? Тогда ведь пьянки не было» (Зап. от А. И. Сафронова) [Там же]. «<Соб.: Кто на застолье собирался?> Да товарищи, друзья-приятели, а есть — родственники. Ну, родственники придут как охота повстречаться. А то есть друзья. Проздравляют друг дружку. <...> Один хорошо поработал, другой — ещё лучше. <...> Сейчас подрабатывать все вон в Москву ездят, все на подработки, а раньше так на жгонку ходили» (Зап. от Л. А. Агаповой) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-020].

Угощение, которое шерстобит отдавал односельчанам по возвращении с промысла, называлось королюшкой. «Ну, вот <...> на работу <в колхоз> приедешь, на работу вернешься там — возьмешь пару

бутылок, с робятам (посидишь. — И. П.), когда придеешь. Придеешь <с заработков> — требуют с тебя “королюшку” (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-030]. «Раньше крендель принесут — это была “королюшечка”. <...> <Соб.: А кто ходил и просил?> Маленькие робятишка ходят. Или так кто ходят — по знакомству, ну, или по шутке, в общем. Соседка ли там, кто идёт куда (выкрикивали. — И. П.): “Королю — королюшечку!” Крендель хоть дадут. <...> Так и просили» (Зап. от Л. А. Агаповой) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-020].

Приведем воспоминания местной жительницы о том, как в детстве, будучи сиротой, она сама ходила просить угощения у отходников, вернувшихся с заработков. «Вот у меня отца не было, до войны еще не было. Вот все придут жгона, а у меня отца нет. И пойду “по королюшку”. Все к одному схожу — тот даст баранок, кренделей. <...> Это еще робёнком я. <...> Ходили-ходили. Как со жгонки придут. <Соб.: А как просили?> А никак. Сразу оделяют. Как придем вот в дом маленькие-те робятишка. Они (хозяева. — И. П.) знают, за чем мы идем. Тут оделят нас. <Соб.: И по всем домам так?> Ну, не по всем, конечно. Нет-нет. Только по знакомым, поближе кто» (Зап. от Е. А. Сафроновой) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-030].

Весьма интересны аспекты организации трудового процесса костромских шерстобитов. На промысле они всегда работали в малой иерархически организованной группе: например, двое взрослых мужчин, мастер с одним-двумя помощниками, подмастерьями (часто мальчиками-подростками), отец с сыном/сыновьями, отец с сыном и дочерью, отец с дочерью, два брата или других родственника, муж с женой. «Каждый год они зимой ездили. <...> По два, по три человека, но не больше. Вот как у нас — два вот человека — папа ездил. Один с Соболихина (название деревни. — И. П.), совсем чужой. Другой — наш вот папа. <...> Где один человек? Одному плохо. Берёт друга, подручного. <...> А вот у меня отец ездил с сыном, с дочкой. И дочка ходила, и сын. Своей семьёй» (Зап. от М. Я. Круплёвой и Е. С. Костельной) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А012-002]; «Тут человек тридцать (жгонили. — И. П.). Я, наверное, со всем ездил. Тридцать с лишним годов ходил на жгонку-то. А каждый год

почти с разным все с товарищам. <Соб.: Почему с разными людьми?> С кем сговоришься. То по отпуску не подходит, то еще что-нибудь» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-030]. В паре всегда работали, чтобы подстраховать друг друга, в том числе уберечься от грабежа и разбоя на чужой стороне. «<Соб.: Ходили не по одному человеку?> А как жо? По двоё. Один никуда не уйдеешь, конечно. Одного-то убьют...» (Зап. от Л. А. и И. Ф. Агаповых) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-020].

Функции участников группы были четко разделены для достижения в работе максимальной слаженности и эффективности. Работали сутками, практически непрерывно, посменно, распределяя между собой различные виды труда. Носители традиции отмечали, что в среднем за сутки успевали сделать по 2–3 валенка. «День и ночь работали. День — дак по-сухому работали, ночь — стирать, катать надо. День — шерсть бьют. <...> Самая тяжелая работа шерсть бить. И закладывать-то не умел сначала. А потом — стирать это, катать. Там я бил, а напарник у меня, который постарше вот, значит, закладывал эти валенки. А ночью стирали» (Зап. от Е. А. и А. И. Сафроновых) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-028].

Если опытный шерстобит брал себе помощника, он постепенно обучал его всем тонкостям ремесла, показывал и объяснял технологические нюансы, но чаще освоение особенностей трудового процесса происходило непосредственно в ходе совместной практической деятельности валяльщиков. Макарьевские шерстобиты, прошедшие «школу» ремесла от мальчиков-подмастерьев до настоящих профессионалов своего дела, вспоминали: «Значит, он (старший. — И. П.) стирает, и я. Беру поменьше валенок. Сначала детский, вот. Гляжу на ево — чево он, то и я делаю. Вот так и учились» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-030].

Для общения между собой на промысле в присутствии посторонних костромские шерстобиты использовали особый социальный диалект — жгонский язык. Первый Словарь языка шерстобитов был составлен В. И. Далем в 1850-е гг. [РНБ ОР. Ф. 234. Ед. хр. 8] и включал более 650 слов. Около 560 слов с пометкой

«ш.» (из лексикона шерстобитов) вошло также в Русско-офенский словарь того же автора [РНБ ОР. Ф. 234. Ед. хр. 7]. Сбором лексики шерстобитов на территории Макарьевского уезда Костромской губернии по поручению В. И. Даля занимался его подчиненный по Удельной конторе в Нижнем Новгороде — И. Ю. Лури². В первом и единственном факсимильном издании Словаря языка шерстобитов его имя указано в качестве автора [Лури 2000, 95–125], хотя некоторые исследователи придерживаются иной позиции, считая составление словаря результатом совместной работы Даля и Лури [Бондалетов 2004, 115]. Упомянем также раннюю публикацию Н. Н. Виноградова, где обозначен ареал распространения жгонского языка и приведены 170 слов с примерами их употребления в речи шерстобитов Варнавинского и Ветлужского уездов Костромской губернии [Виноградов 1918].

Изучением лексики арго занимался выдающийся советский и российский социолингвист В. Д. Бондалетов. Он издал учебное пособие «Условные языки русских ремесленников и торговцев», куда включил Арготическо-русский словарь (Словарь жгонского арго) [Бондалетов 1980]. Вторая часть его монографии «В. И. Даль и тайные языки в России» посвящена истории создания Словаря языка шерстобитов Даля — Лури и содержит результаты сравнительного анализа жгонской лексики в записях середины XIX в. и второй половины XX в. [Бондалетов 2004, 102–138]. В исследованиях В. Д. Бондалетова достаточно хорошо изучены многие лингвистические аспекты арго: их генезис и типология, заимствования из естественных языков, словообразование, связи с другими искусственными языками, например офенским. В 2000 г. небольшим тиражом вышел Словарь жгонского языка (около 1000 слов), составленный сельский учителем из п. Мантурово Костромской области А. В. Грозовым [Грозов 2000, 19–83].

Не предлагая исчерпывающей характеристики жгонского арго, обозначим те его свойства, которые необходимо понимать для целей настоящего исследования.

В нем, так же как и во многих других условных языках, «отсутствуют глагольные формы — причастия, деепричастия, междометия и служебные части речи. В связанном тексте используются литературные служебные слова: предлоги, союзы, частицы. Средства и способы выражений грамматических значений (рода, числа, падежа, наклонения) соответствуют современному русскому языку» [Новикова 2007, 148]. Заимствованные слова в жгонском арго претерпевают фонетические и морфологические изменения. В способах образования придуманных слов «по русскому складу» отмечаются такие явления, как изменение «звуковой оболочки слова через субституцию фонем, вставок и замен звуков и сочетаний особыми маскировочными комплексами, метатезы звуков, перестановки частей слова» [Бондалетов 1980, 64] (к их числу относятся тарабарщина, говоры по щам, по шицу и др.), использование приемов «метафоры, метонимии, синекдохи, <...> функциональной семантики, перехода собственных имен в нарицательные» [Там же, 65]. Характеризуя структуру жгонского арго, Н. С. Ганцовская отмечает, что ядро языка составляет профессиональная лексика, а именно «названия процесса катания валенок, инструментов, орудий труда и валяных изделий» [Ганцовская 2003, 22].

Рассмотрим роль тайного языка макарьевских шерстобитов в организации их трудовой деятельности, основываясь на полевых материалах 2009 г. Один из местных мастеров отмечал тесную связь арго с производственным процессом и его прямую зависимость от последнего: «*Нигде его <жгонского языка> нету. Так что он с нами и умирает, уходит. <Соб.: Почему вы его не передали?> Потому что некому. Вот пойду работать, буду передавать. Не буду работать — не буду передавать. <...> Вместе с работой надо, это связано с работой. <...> А потом — к чему он? Это же касается только работы*» (Зап. от И. Ф. Агапова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-A014-020]. Сходные мысли высказывал и другой макарьевский мастеровой: «*Жгонской язык у нас был, да.*

² В имеющихся публикациях о Лури обозначена только фамилия собирателя. Нам удалось выяснить более полные данные об этом человеке, имя которого упоминается в делах Удельной палаты Нижнегородской губернии за 1853–1858 гг.: Иван Юрьевич Лури, сын купца [ЦАНО. Ф. 744. Оп. 254. Д. 682. Л. 195].

Ну, примерно, значит, хозяин пришел, кто заказчик. Чтобы он не знал, что мы промеж собой говорим, и был такой язык. Считался “жгонской”. Вот мы, значит, при хозяине, при заказчике, разговаривали на этом языке. Ну, мы его понимали, а хто <другой>, его не знал. Его и сейчас мало кто знает» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-028].

Валяльщики, с которыми проводились интервью в 2009 г., еще помнили корпоративный язык и приводили немало примеров его употребления на промысле. «Вот эдак постарше-то <кто>, мне и говорит, как взять-то нады <шерсти себе>, а кто-то сидит тут, мешает. Так он и скажет: “Кóсай, брат! Кóсай, жгон, кóсай!” Это значит: “Бери, бери!” Вот. Ну, это в свой мешок <клади>. Домой привезем или там скатаем <валенки>» (Зап. от А. И. и Е. А. Сафроновых) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-030].

Подмастерья перенимали жгонский язык от старших, более опытных шерстобитов. «<Соб.: Вас когда подростком взяли, вы этого языка не знали?> Конечно, не знал. Ну, немножко я так <понимал>: хлеб, или скот, или шерсть. Это всё знал, как называется. <...> Потом стал ходить-то <на жгонку> — с каждым годом всё больше и больше привыкал» (Зап. от А. И. Сафронова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-028].

Скупые высказывания И. Ф. Агапова свидетельствуют о довольно жестких запретах и предписаниях в отношении тайного языка, обусловленных некогда существовавшими ритуалами посвящения в ремесленный цех шерстобитов и соответствующими клятвами новоиспеченных жгонов. «<Соб.: Что это за жгонский язык?> Это секрет. <Соб.: Совсем?> Совсем. Он нигде <не известен>, ни в какой литературе <его> нету. <Соб.: Вы же сейчас уже не ходите на жгонку.> Всё равно секрет. Роспись давал. <Соб.: Как?> Так, не

разглашать. <Соб.: Вас учили ему?> Обязательно. <Соб.: А кто учил?> Тоже секрет. <Соб.: Расскажите, как это было.> Нельзя. Раз секрет, то как? <Соб.: Учили языку, как только вы начали работать?> Не сразу. Надо в доверие войти. <Соб.: Это было, когда вы подростком ходили?> Да. <Соб.: И тогда вы учились на нем говорить?> Когда совершеннолетие будет. Так что я не имею права. Это бабушки вам сказали <про жгонский язык>, потому что они не давали слова» (Зап. от И. Ф. Агапова) [ФЭЦ СПбГК. ОЦФ № 253-А014-029].

Обширный лингвистический материал на условном языке костромских пимокатов был зафиксирован от В. Н. Переломовой. Ее старшие родственники являлись профессиональными жгонами, и Вера Николаевна запомнила многие слова «са́ма по себе, с детства» [ЛАА]. В зрелом возрасте она вновь проявила интерес к тайному языку валяльщиков, общаясь с местными жителями и пополняя свой словарный запас.

Приведем фрагмент рассказа В. Н. Переломовой, где описывается один из этапов трудоемкого процесса выкатывания войлока — взвешивание шерсти перед началом работы. Обратим внимание, что арготическая лексика в ее повествовании перемежается с диалектизмами и словами русского литературного языка. Подобное типично для речи костромских шерстобитов. Примечательно, что в рассказе ниже употребляются как известные слова социального диалекта, так и не представленные ранее в арготических словарях, характеризующих производственный контекст употребления жгонской лексики. «На валенки — три фунта шерсти <идёт>. Берут ки́бтькин³, замиряживаю⁴ миж⁵, завязывают его в лепестень⁶. И вот шерстобит смотрит, как шаповал (помощник жгона) взвешивает, и говорит: “Скóсай⁷ мижу́ на упаки⁸! Са́ры⁹ зашиповáлим¹⁰!”, или “Закибсим¹¹!” (Укради шерсти на валенки! Денег подзаработаем!), или:

³ В словарях не выявлено. Здесь употребляется в значении ‘весы’.

⁴ Вариант слова, произв. от *меряшить* — ‘взвешивать’ [Бондалетов 1980, 87].

⁵ *Миж, мижá* — ‘шерсть’ [Там же].

⁶ *Лепестень* — ‘платок’ или ‘скатерть’ [Там же, 85].

⁷ *Кóсать* — ‘брать, воровать’ [Там же, 84].

⁸ *Упаки* — ‘сапоги, валенки’ [Там же, 96].

⁹ *Са́ра, са́ры* — деньги [Там же, 92].

¹⁰ Ср.: *шеповáлить* — ‘работать’ [Бондалетов 2004, 134].

¹¹ Возможно, произв. от *кóсать* — ‘воровать’ [Бондалетов 1980, 84].

“Кокáрну¹² меряху¹³ нашиповáлим, сáрни¹⁴ нисколько не заработаем, а мижу́ нако́саем!” (Сколько недель ни проработаем, денег не заработаем, а шерсти накрадём!)» (Зап. от В. Н. Переломовой) [ЛАА].

Наиболее трудоемким этапом переработки шерсти считалось выкатывание войлока. Для этой операции сырье растили на холщовой ткани, обильно смачивали водой и плотно закручивали. Собрав несколько подобных трубок в общий сверток, начинали процесс валяния. «Катать приходилось долго. Если не прокатается войлок, то будут грачи¹⁵» (Зап. от В. Н. Переломовой) [Там же].

В местной традиции выкатывание войлока осуществлялось ручным и ножным способами. Приведем фрагмент описания производственного процесса с использованием жгонской лексики. В бане или доме (в зависимости от того, где работали мастера) устраивали рабочее место — верстакéж¹⁶, для чего снимали с петель дверь и укрепляли ее в освободившемся проеме: «Лóжили ее вот так вот нáискось, с наклоном. <...> Они на лéпестне шерсть разложат на платок. <...> Разложат шерсть вот ровненько, а потом вот так закатывают этот лепестень на палку, и катали. Или рукой на вертячих¹⁷, или ногами. <...> По двери-то катали — как раз нога-то шла. Она как скалка катается, на скалку похожа» (Зап. от В. Н. Переломовой) [Там же]. В этнографическом очерке Н. Н. Бубнова приспособление для катания войлока обозначено похожим образом — палка с каталкой [Бубнов 1928, 8].

Во время выкатывания войлока (самого трудоемкого этапа шерстобитного производства) на гуляньях в годовые

праздники и на молодежных посиделках жгоны пели частушки на аргó. Сведения об этом находим как в опубликованных источниках, так и в полевых материалах.

Несколько интересных текстов обнаружено А. В. Громым в качестве примеров употребления арготической лексики в соответствующих словарных статьях. Автор публикации не обозначил жанровую принадлежность образцов, откомментировав лишь один из них как «пример из жгонского фольклора» [Громов 2000, 81]. Вместе с тем четырехстрочная структура с перекрестной рифмой, ритмическое строение (пеоническая стопа третьего разряда) подтверждают принадлежность текста к жанру частушки:

Ой, Самара застонала
От макарьевских шошов¹⁸.
Поносились слишком мало
На ходарах¹⁹ у масов²⁰
[Там же].

Безусловно, ведущей темой жгонского фольклора является ироничное подтрунивание над плохими шерстобитами. Как пишет А. В. Громов, «...так сами жгоны смеялись над собой» [Там же]. В частушке ниже используется местная промысловая лексика: кроме уже упоминавшегося слова *грач* (в диалектной версии — *грац*) отметим также употребление арготического слова *гóля* — ‘голенище валенка, сапога’ [Там же, 28]:

Мáсик²¹ ўпаки седья
Изохляет²² в нестерлэ²³,
У ево́ граци́ большыя
И по гóлям, и вездé.

¹² Вариант с другим ударением: *кóкурный* — ‘другой, второй’ [Бондалетов, 83].

¹³ *Меряхи* — ‘измерительные приборы’ [Громов 2000, 51]. В данном контексте — ‘неделя’.

¹⁴ Вариант произнесения слова *сáры*.

¹⁵ *Грач* — ‘клочок непробитой шерсти на валенке’ [Там же, 29], ‘плохо прокатанное место в валенках’ [ЛАА].

¹⁶ *Верстакéж* — ‘полок, на котором обрабатывают валенки, чаще всего для него годилась дверь, снятая с петель’ [Громов 2000, 24].

¹⁷ *Вертячие* — ‘дверь’ [Там же, 67].

¹⁸ *Шошй* — ‘плохие валенки’ [Там же, 81], *шошй, шошйло* — ‘плохой работник, бракодел’ [Там же].

¹⁹ *Ходáра* — ‘нога’ [Бондалетов 1980, 96].

²⁰ *Мас* — ‘мужчина, хозяин’ [Громов 2000, 29].

²¹ Произв. от *мас*.

²² Произв. от *хлить* — ‘носить’ [Бондалетов 1980, 96].

²³ Вариант произнесения *мистеря* — ‘праздник’ [Там же, 77].

Мужичок валенки серые
Износит в праздник,
На них клочки шерсти
На голенищах и везде
(Зап. от Н. А. Гуляева, 1912 г.р., д. Макарово, Мантуровский р-н, Костромская обл. 1992 г.) [Громов 2000, 29].

Еще один примечательный образец фольклора местных мастеровых обозначен А. В. Громовым как «стихотворение жгонов» [Там же, 55]. В силу того что паспортные данные текста при публикации не были указаны, закономерно предположить, что он относится к категории общеизвестных в жгонском фольклоре. Укрупнение классической четырехстрочной формы частушки до шести строк периферически встречается в региональных традициях русского фольклора.

*Жго́ны, жго́ны жго́нили,
Поселюху²⁴ трóили²⁵,
Жго́ны у́паки шиошыли²⁶,
Са́ры ско́сали, ухли́ли²⁷
И остéхнули²⁸ масо́ф
Без мижú, без упакóв.
Жгоны валенки катали
И капустою питались.
Дело делали не очень
И домой сбежали ночью,
Оставляли мужиков,
Шерсть забрав, и без пимов
[Там же]²⁹.*

Очевидно, что в приведенных фольклорных текстах отразились особенности

профессиональной деятельности местных шерстобитов, в частности, высокая конкуренция между ними. В условиях замкнутой социальной группы жгоны боролись за рынок сбыта своей продукции, а осмеяние изделий других мастеров можно трактовать как саморекламу.

В результате проведенного исследования был охарактеризован шерстобитный промысел Макарьевского района Костромской области, описаны трудовые обычаи и приведены фольклорные тексты, функционировавшие в местном сообществе отходников во второй половине XX в. и сохранившиеся в памяти носителей традиции до начала XXI в. Изложенные данные позволили сформировать представление о трудовых обычаях членов данной социальной группы, целостность которой основывалась на включении работников в сложный технологический процесс изготовления одежды и обуви из валяной шерсти, поддерживалась наличием единых форм производственной и обрядово-праздничной жизни, общим фондом фольклорных текстов. Коммуникация макарьевских шерстобитов как на промысле, так и за его пределами осуществлялась на особом социальном диалекте — жгонском арго. Как показало исследование, тайный искусственный язык макарьевских шерстобитов не только применялся ими для решения вопросов профессиональной деятельности, но и вошел в фольклорные образцы, консолидируя изучаемое сообщество.

Источники и материалы

Виноградов 1918 — Виноградов Н. Н. Жгонский язык. Условный язык Приветлужья Костромской губернии // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Пг.: Тип. Императорской Академии наук, 1918. Т. XXIII. Кн. 1. С. 89–105.

Войлочное производство 1928 — Войлочное производство // Техническая энциклопедия: В 26 т. Т. 4 / Ред. Л. К. Мартенс. М.: Сов. энциклопедия, 1928. Стб. 255–269.

Ковалев, Федоров 2005–2019 — Ковалев Д. В., Федоров В. А. Отходничество // Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2699278 (дата обращения: 10.12.2022).

ЛАА — Личный архив автора.

Лури 2000 — Лури [И. Ю.] Словарь языка шерстобитов (факсимиле). Рукописный отдел Российской национальной библиотеки // Громов А. В. Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровско-

²⁴ *Поселюха* — ‘капуста’ [Громов 2000, 62].

²⁵ *Трóить* — ‘есть, кушать’ [Бондалетов 1980, 95].

²⁶ *Шошítь* — ‘портить дело, например, плохо катать валенки’ [Громов 2000, 81].

²⁷ *Ухлítь* — ‘уйти’ [Там же, 75].

²⁸ *Остéхнуть* — ‘оставить дело’ [Там же, 56].

²⁹ Стихотворный перевод на русский язык выполнен А. В. Громовым.

го и Нейского районов Костромской обл. М.: Энциклопедия рос. деревень, 2000. С. 95–124.

РНБ ОР — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

ФЭЦ СПбГК ОЦФ — Фольклорно-этнографический центр им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Основной цифровой фонд.

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области.

Шерстобитное производство 1933 — Шерстобитное производство // Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 62: Шахта — Ъ / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Сов. энциклопедия, 1933. Стб. 305–306.

Шлифштейн 1927 — Шлифштейн Е. И. Вальльно-войлочная промышленность // Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 8: Буквы — Варле / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Сов. энциклопедия, 1927. Стб. 712–714.

Исследования

Бондалетов 1980 — Арготическо-русский словарь: (Словарь жгонского аргот) / Сост. В. Д. Бондалетов // Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство: Учеб. пособие к спецкурсу. Рязань: РГПИ, 1980. С. 77–99.

Бондалетов 2004 — Бондалетов В. Д. В. И. Даль и тайные языки в России: Монография. М.: Флинта: Наука, 2004.

Бубнов 1928 — Бубнов Н. Н. Техника вальльного промысла в Шуйской волости Вологодского уезда: Этногр. очерк. Вологда: Изд. Вологодского общества изучения Северного края, 1928.

Ганцовская 2003 — Ганцовская Н. С. Макарьевский край: мир родных названий // Ганцовская Н. С. Костромское народное слово: Очерки, исследования, эссе, народные рассказы / Ред. Т. Н. Гончарова. Кострома: РИЦ Костр. обл. думы, 2003. С. 15–25.

Громов 2000 — Громов А. В. Словарь // Громов А. В. Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области / Отв. ред. Д. М. Савинов. М.: Энциклопедия рос. деревень, 2000. С. 19–83.

Новикова 2007 — Новикова Н. Н. «Тайные языки» в работах В. Н. Добровольского // В. Н. Добровольский в истории русской национальной культуры: Матер. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 150-летию со дня рождения В. Н. Добровольского. Смоленск: Свиток, 2007. С. 145–149.

© И. С. Попова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова И. С. <http://orcid.org/0000-0002-3779-0320>

Кандидат искусствоведения, доцент, заслуженный работник культуры Российской Федерации, профессор кафедры этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова: Российская Федерация, 190068, г. Санкт-Петербург, Театральная пл., д. 3, литера «А»; тел.: +7 (812) 644-99-88; e-mail: etnomus@mail.ru

Labor Customs and Folklore of Kostroma Wool Carders

Irina S. Popova

(St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory:
3, letter "A", Teatralnaya sq., St. Petersburg, 190068, Russian Federation)

Summary. This article examines the traditions of zhgons — wool carders (sherstobity) from the Makaryev district in the Kostroma region. Sherstobity are artisans that specialize in manufacturing of felt wool clothing and shoes. The article considers them as a closed social group and for the first time describes their history and organizational principles as well as the customs and rituals associated with the process of felt wool manufacturing. One of the main focuses of this article is zhgon argot, the social dialect of this particular group of Kostroma sherstobity. The article offers an overview of the dictionaries and studies of zhgon argot. Based on new, unpublished research material, the author examines the role of zhgon argot and the contexts in which it is used. The way in which zhgon argot functions in sherstobity folklore is examined through the study of chastushki. Materials for this study were collected during a folklore expedition conducted by the St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory in the Makaryev district of Kostroma

region in 2009; they are housed in the archives of the Conservatory's Folklore and Ethnography Center (collection № 253). Publications from the 1920s about the history of seasonal work and sherstobity in Russia were also used as source material. The results of this study are of interest to folklorists, ethnographers, anthropologists, and linguists.

Key words: sherstobity, wool carders, crafts, social dialect, labor folklore, chastushki.

Received: January 22, 2022.

Date of publication: June 25, 2023.

For citation: Popova S. I. Labor Customs and Folklore of Kostroma Wool Carders. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 2. Pp. 94–105. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.2.008>

References

Bondaletov V. D. (1980) Argoticheskoe-russkii slovar' (Slovar' zhgonskogo argo) [Argotic-Russian Dictionary (Dictionary of Zhgon Argot)]. In: Uslovnye yazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev [Invented Languages of Russian Artisans and Merchants]. Ryazan: Ryazanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. Pp. 77–99. In Russian.

Bondaletov V. D. (2004) Vladimir I. Dal' i taynye yazyki v Rossi [Vladimir I. Dal and Secret Languages in Russia]. Moscow: Flinta, Nauka. In Russian.

Bubnov N. N. (1928) Tekhnika valjal'nogo promysla v Shujskoj volosti Vologodskogo uезда. Etnograficheskii ocherk [The Technique of Felting in the Shuisky Parish of Vologda County. An Ethnographic Essay]. Vologda: Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo kraya. In Russian.

Gantsovskaya N. S. (2003) Makar'evskii krai: mir rodykh nazvaniy [Makaryevsky Krai: the

World of Native Names] In: Kostromskoe narodnoe slovo. Ocherki, issledovaniya, esse, narodnye rasskazy [The Kostroma Folk Word. Essays, Research, Sketches, Folk Stories]. Kostroma: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr Kostromskoi oblastnoy dumy. Pp. 15–25. In Russian.

Gromov A. V. (2000) Slovar' [Dictionary] In: Zhgonskii yazyk: Slovar' leksiki pimokato Makar'evskogo, Manutorovskogo i Neyskogo rayonov Kostromskoy oblasti [The Zhgon Language: Dictionary of the Vocabulary of the Pimokats in the Makaryev, Manturov and Ney districts of the Kostroma Region]. Moscow: Encyclopediya of the Russian Villages. Pp. 19–83. In Russian.

Novikova N. N. (2007) Taynye yazyki v rabotakh Vladimira N. Dobrovol'skogo ["Secret Languages" in the Work of Vladimir N. Dobrovol'skii]. Proc. of the Conf. of the 150th Anniversary from the Birthday of V. N. Dobrovol'sky. Smolensk: Svitok. Pp. 145–149. In Russian.

© I. S. Popova, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Popova I. S. <http://orcid.org/0000-0002-3779-0320>

E-mail: etnomus@mail.ru

Tel.: +7 (812) 644-99-88

3, letter "A", Teatralnaya sq., St. Petersburg, 190068, Russian Federation

PhD in Arts, Associate Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Professor, Ethnomusicology Department, St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)